

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://stuservis.ru/kurosovaya-rabota/361814>

Тип работы: Курсовая работа

Предмет: Политология

Введение 2

1. Мультикультурализм как политический проект 8

2. Модели мультикультурализма и методологические возможности их приложения к условиям современной многонациональной России (опыт концептуальной реконструкции) 15

3. Развитие мультикультуризма в современной России 29

Заключение 33

Список использованной литературы 36

1. Мультикультурализм как политический проект

Вдумчивые авторы уже давно осознали, что процесс, концептуализированный как «национальное обновление» с 1960-х годов, был просто заменен категорией «культура». Категория «культура» заменила категорию «этничность», потому что она предлагает более широкую, мягкую и диффузную формулу для описания современных обществ, подверженных конфликтам. Сторонники мультикультурализма закрывают глаза на структурные проблемы современного общества, делая акцент на «культурных» вопросах (или, скорее, перекодируя структурные вопросы в культурные) и следуя по пути романтизации и морализации социальной реальности, или отказываясь от аналитической строгости, характерной для «постмодернизма». Внимание также было обращено на инструментальный характер политики мультикультурализма (также «политики различий»). Даже в тех странах, где мультикультурализм был объявлен официальной политикой (Канада и Австралия), его внедрение было в основном функциональным. В случае с Канадой это было продиктовано опасностью квебекского сепаратизма. Канадские власти попытались достичь консенсуса, заявив, что главной целью правительства является создание мультикультурного (но, следует подчеркнуть, не мультиэтнического) общества. - С одной стороны, канадские власти стремились ослабить стремление к отделению во франкоязычном Квебеке, а с другой - развеять опасения англоязычного большинства по поводу единства национального государства страны. В случае Австралии основной причиной официального введения мультикультурализма стало снижение иммиграционных потоков к началу 1970-х годов, что могло негативно сказаться на демографической и экономической ситуации.

В США широкая популярность мультикультуралистского дискурса связана с такими особенностями американского общественного дискурса, как безразличие к социальной и классовой иерархии и тенденция сводить социальные конфликты к «психологическим», тем самым преувеличивая гармонию, консенсус, лучшее понимание и т.д.

Инструментальная природа мультикультуралистского дискурса хорошо иллюстрируется на примере Германии. Именно представители промышленного капитала, или «экономические боссы», первыми стали пропагандировать мультикультурализм в этой стране, опасаясь ухудшения ситуации на рынке труда (что также было вызвано слабым притоком новой рабочей силы). Термины «мультикультурализм» и «мультикультурное общество» были введены в немецкоязычном мире Хайнером Гайслером. Социологи неоднократно говорили о методологических противоречиях и теоретических ловушках, связанных с введением терминов «мультикультурализм» и «мультикультурное общество». В каком смысле можно сказать, что страна является мультикультурной? Существование более чем одной культуры в обществе является проблематичным, поскольку культура - это символическая система, которая характеризует общество и систематизируется в институтах этого общества. Если различные социальные группы являются носителями конкретных, отдельных культур, то разумнее было бы сказать, что в одной стране сосуществуют различные общества, а не что в одном обществе существует мультикультурализм. Культура, помимо того, что она систематизирована как институт, предполагает определенную систему знаний. Насколько правомерно говорить о существовании нескольких культур, если их представители имеют между собой одну и ту же систему знаний благодаря единой системе образования и единой системе массовой коммуникации? Сторонники мультикультурализма, похоже, склонны говорить о «культуре» там, где на самом деле существуют субкультуры.

Более того, мультикультурализм исходит из тождества между расой и культурой (неявно предполагая, что

различия в расовой лояльности подразумевают различия в культурной лояльности). Если в традиционных обществах это в какой-то степени верно, то в современных индустриальных обществах (и тем более в постиндустриальных) это совершенно неоправданно.

Совершенно очевидно, что понятие «культура», используемое мультикультуралистами, имеет компенсаторную функцию. Бесправные социальные группы (например, иммигранты первого и второго поколения) наделяются особыми творческими способностями и выступают в качестве носителей определенной «культуры». Это может радовать отдельных представителей этих групп, но не меняет их реального положения в экономической и политической иерархии.

Еще один недостаток мультикультуралистской идеологии, связанный с этой ситуацией, заключается в том, что она способствует расиализации и этнизации общественного дискурса. Концептуализируя различия между социальными классами и социальными группами в расовых и этнических терминах, мультикультурализм увековечивает дискриминацию. Таким образом, он только углубляет геттоизацию меньшинств. Мультикультурализм переосмысливает конфликты (социальных, экономических, политических, региональных) интересов как конфликты (этнической принадлежности, веры). Способствуя расизации социальных конфликтов, мультикультуралистская идеология делает социальные конфликты неразрешимыми.

Учитывая вышесказанное, неудивительно, что мультикультуралистский проект, которому поначалу симпатизировали либералы в западных странах, в конечном итоге утратил доверие. История этого разочарования весьма примечательна.

Во-первых, существуют фундаментальные различия в контекстах, в которых культурный плюрализм представляется проблематичным. Один из них - это контекст, задаваемый так называемой «нацией иммигрантов», другой - «национальным государством». Это различие справедливо на уровне дискурса, хотя оно уже давно потеряло свое значение с точки зрения содержания.

В Европе до сих пор преобладает мнение, что трудовые мигранты приезжают временно, тогда как в «странах-иммигрантах» речь идет об иммигрантах с целью постоянного проживания: в ЕС и Швейцарии насчитывается более 18 миллионов иммигрантов (не считая тех, кто уже натурализован, то есть имеет гражданство), а их ежегодный приток составляет 2 миллиона. Эта иллюзия, похоже, окончательно разрушилась в 1990-е годы, когда число иммигрантов в ЕС превысило 18 миллионов (не считая тех, кто уже натурализованный гражданин), а их ежегодный приток составил 2 миллиона. Однако в массовом сознании европейских стран и в мышлении политических элит существует традиционное представление о том, что национальное государство является результатом самовыражения определенных национально-культурных образований и что поэтому иммиграция является «необходимым злом».

Франция и Германия являются наиболее яркими примерами инерции этого традиционного образа, каждый по-своему. Во французских общественно-политических дебатах все еще существует сильная оппозиция вопросу о Франции как о стране с культурным разнообразием. Большинство французских авторов, будь то политические журналисты или ученые, настаивают на том, что единственной подходящей призмой является «республика», «гражданство» или «интеграция», хотя в Федеративной Республике, где разговоры о «мультикультурном обществе» стали тоном уже в конце 1980-х годов, политическая практика федеральных и муниципальных властей, и в особенности их отношение к интеграции иммигрантов, по-прежнему определяется этнически однородной структурой.

Идеал национального государства был продиктован в Германии вопрос о том, можно ли считать Федеративную Республику «государством иммигрантов», до сих пор является дискуссионным. Сторонники идеала «национального государства», понимаемого в терминах этнической и культурной однородности, выступают против фактического превращения Германии в «государство иммигрантов».

Однако политическая элита не спешит вносить соответствующие поправки в закон. В официальном политическом дискурсе и в повседневной речи иммигрантов обычно называют «Auslander» (иностранцы). Само это обозначение подразумевает, что их присутствие в стране рассматривается как временное явление. В современном немецком языке слово Gastarbeiter имеет аналогичный оттенок. Многие из этих так называемых «гастарбайтеров» прожили в Германии всю свою жизнь или родились там, но их правовой статус был таким же, как если бы они приехали в краткосрочную командировку.

То, как решается проблема культурного разнообразия, вызванного иммиграцией, отличается между «иммигрантскими» странами, с одной стороны, и «национальными» странами, с другой. В первой группе стран интеграция иммигрантов определяется дебатами о правах коренных меньшинств (потомков африканских рабов в США, индейцев в Канаде и США, аборигенов в Австралии). Попытки восстановить справедливость в отношении представителей этих меньшинств привели к практике «позитивных действий»

или «позитивной дискриминации» .

Например, в США, когда был провозглашен «мультикультурализм», это означало подход «позитивных действий» только для чернокожих. Позже эта практика была распространена на представителей меньшинств, состоящих из иммигрантов. Позитивная дискриминация, то есть введение этнических и расовых квот при поступлении в университеты и на некоторые руководящие должности, задумывалась как временная мера. Считалось, что после устранения дисбаланса в распределении ресурсов и власти придет время вернуться к нормам свободного общества, в котором идеалом является формальное равенство, а значит, безразличие к этническим и расовым различиям. Однако этого не произошло. Политика позитивной дискриминации не привела к желаемому результату, а именно к интеграции этнических меньшинств в политическое общество. Тем не менее, после пятнадцати-двадцати лет проведения такой политики стало ясно, что от нее нельзя отказываться. Представители этнических меньшинств сильно сопротивлялись ее прекращению, поскольку позитивная дискриминация означала реальные преимущества на рынке труда и в образовании. В итоге этническая и расовая сегрегация не только не была преодолена, но и стала добровольной. Активное отношение активистов этнических и расовых меньшинств к различиям в образе жизни как к культуре углубило этно-расовый и этнолингвистический раскол в обществе .

1. Артемов Г. П. Россия и Европа: социокультурная динамика на рубеже веков // Социальная реальность и социальные теории: материалы Международной научной конференции. СПб., 1998. С. 37-54.
2. Волкова, Т. П. Теория мультикультурализма как синтез философских концепций либерализма и коммунитаризма : дис. . канд. филос. наук : 09.00.03 / Т. П. Волкова. Мурманск, 2006. - 165 с.
3. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. Изд. 2-е, доп. и перераб.: Учебник для вузов. М.: Логос, 2001. - 432 с.
4. Галинская, И. Л. Мультикультурализм и межкультурная коммуникация / И. Л. Галинская // Культурология: дайджест. 2005. - № 4. - С. 7-11.
5. Дерябина, С. Р. Россия и опыт мультикультурализма: за и против / С. Р. Дерябина // Этнопанорама. 2005. - № 1-2. - С. 14-18.
6. Зарема З. М. Концептуальные основы юридического плюрализма // Философия права. 2010. № 4 (41). С. 122-124.
7. Кирабав Н.С. Мультикультурализм: порождение или альтернатива глобализации? // Глобализация и мультикультурализм: монография/ отв. ред. Н. С. Кирабаев. М.: Издательство РУДН, 2005. С. 134-198.
8. Колесников А. С. Обозримые тенденции становления философии в начале XXI века // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 2006. С. 5-38.
9. Куропятник, А. И. Мультикультурализм. Проблемы социальной стабильности полиэтничных обществ / А. И. Куропятник. СПб., 2000. - 207 с.
10. Кушнарева Е. С. Мультикультурализм в США // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (7). С. 125-127.
11. Малахов В.С. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова, М., 2002 с. 48
12. Малиновский П. В. Глобализация 90-х годов: время выбора // Глобализация: контуры XXI века: реф. сб. / РАН ИНИОН; Центр научно-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. М.: ИНИОН РАН, 2004. Ч. I. С. 5-35.
13. Радтке Ф. О. Разновидности мультикультурализма и его неконтролируемые последствия // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. - М.: Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии, 2002. С. 103-115.
14. Самохвалова Т. А. Демократический тоталитаризм массовой культуры // Человек в контексте культуры: сборник научных трудов / под ред. О. Ю. Марковой. СПб., 1998. С. 43-46.
15. Стрельченко В. И. Научная рациональность: pro et contra // Философия права. 2012. № 2 (51). С. 7-16.
16. Смирнов К. С., Барковская А. Ю. Homo sacer: к вопросу о праве на жизнь в условиях антропологического кризиса // Философия права. 2012. № 2 (51). С. 33-41.
17. Тишков В. А. Теория и практика многокультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М.: Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии, 2002. С. 331-350.
18. Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2006. 320 с.
19. Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005. 544 с.

20. Мультикультурализм: порождение или альтернатива глобализации? // Глобализация и мультикультурализм: монография/ отв. ред. Н. С. Кирабаев. М.: Издательство РУДН, 2005. С. 134-198.
21. Радтке Ф. О. Разновидности мультикультурализма и его неконтролируемые последствия // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. - М.: Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии, 2002. С. 103-115.
22. Самохвалова Т. А. Демократический тоталитаризм массовой культуры // Человек в контексте культуры: сборник научных трудов / под ред. О. Ю. Марковой. СПб., 1998. С. 43-46.
23. Малиновский П. В. Глобализация 90-х годов: время выбора // Глобализация: контуры XXI века: реф. сб. / РАН ИНИОН; Центр научно-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. М.: ИНИОН РАН, 2004. Ч. I. С. 5-35.
24. Оль П. А., Ромашов Р. А. Нация (генезис понятия и вопросы правосубъектности). СПб., 2002. 144 с.
25. Зарема З. М. Концептуальные основы юридического плюрализма // Философия права. 2010. № 4 (41). С. 122-124.
26. Веселова В. В. Философские проблемы экономической интеграции в современных условиях мирового хозяйства // Современная наука и философия для будущей России: материалы Всероссийской научной конференции студентов исследователей, преподавателей, аспирантов и молодых ученых. М.: Компания «Спутник+», 2008. С. 30-33.
27. Колесников А. С. Обозримые тенденции становления философии в начале XXI века // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 2006. С. 5-38.
28. Смирнов К. С., Барковская А. Ю. Homo sacer: к вопросу о праве на жизнь в условиях антропологического кризиса // Философия права. 2012. № 2 (51). С. 33-41.
29. Стрельченко В. И. Научная рациональность: pro et contra // Философия права. 2012. № 2 (51). С. 7-16.

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://stuservis.ru/kursovaya-rabota/361814>